

— Технику меча Созерцания Зари старший брат Дин никогда не сможет освоить, — сказал Су Цзиньчжи. — Просто он слишком незаметен в нашей школе, и никто об этом не знает. Когда упоминают его имя, все вспоминают лишь то, что он старший ученик Цзян Дая, и больше ничего.

— Что было потом? — спросил Вэй Си.

— Потом мой учитель получил новые сведения о Могиле Мечей и вместе с Мужун Ди снова отправился на гору Пэнлай. Но с тех пор он больше не вернулся. Только спустя много времени я узнал, что он был убит Мужун Ди в Могиле Мечей. Оказалось, что этот единственный человек, которого он ценил как друга, обманывал его все эти годы.

Такой исход был для всех полной неожиданностью, и Вэй Си долго не мог прийти в себя.

Цзян Дай достиг пика в искусстве меча, и во всем мире боевых искусств ему не было равных. Но в конце концов он проиграл тому, кому больше всего доверял. Это доказывает, что владение боевыми искусствами — не панацея от всех бед. Если кто-то хочет причинить тебе зло, он не отступит, даже если не сможет победить тебя в бою.

— После смерти учителя мы с братом Дином остались совсем одни, и даже Обитель Сяохань у нас отобрали, почти выгнав нас в дровяной сарай. К счастью, в то время наш Великий наставник вышел из затворничества и, пожалев нас, взял нас обоих к себе. Он никогда не вмешивался в дела школы, и если кто-то из учеников нас обижал, он поручал это Чу Цяньцю. Так что, хотя мы и нашли временное прибежище, нам приходилось постоянно быть начеку, опасаясь козней наших товарищей. Брат Дин был человеком терпеливым, он сносил мелкие обиды, а крупные — даже если не мог смириться, все равно терпел. Я же был другим: неважно, насколько серьезным было дело или кто был виновником, если на меня без причины навешивали ярлыки, я никогда не признавал их. Поэтому те, кто хотел угодить Чу Цяньцю, стали направлять свои стрелы на меня. Все грязные и тяжелые работы сваливали на меня, а во время тренировок тайком обливали меня водой или, когда я не смотрел, выбрасывали мой меч в поле...

Вэй Си нахмурился:

— Школа Янься — это же столетняя известная школа, как она могла воспитать таких учеников?

Су Цзиньчжи ответил:

— Это как говорится: «Если верхний брус кривой, то и нижние будут кривыми». Чу Цяньцю был одержим властью, и его ученики естественно занимались только этими грязными делами. Но в этом была и польза: я постоянно дрался с этими братьями, и мои боевые навыки значительно улучшились. В школе Янься каждый год проводили оценку боевых навыков, и ученики устраивали поединки на арене. В то время мне еще не было пятнадцати, но я уже три года подряд занимал первое место, что вызывало ярость у тех, кто меня обижал, но они ничего не могли поделать.

— Брат, ты тогда был так великолепен!

Су Цзиньчжи улыбнулся, но затем его лицо омрачилось. Эти юношеские воспоминания уже давно ушли в прошлое, а теперь он был всего лишь беспомощным человеком, с ослабевшими руками, неспособным поднять тяжесть, с пустой внутренней энергией, без единой капли силы.

Он усмехнулся:

— Великолепие? А что стало с моим учителем, который был так могущественен?

Вэй Си напрягся:

— Они снова причинили тебе зло?

— Когда Великий наставник взял меня к себе, мой дядюшка заподозрил, что я получил преимущество, находясь рядом с ним. Он сам был менее искусен, чем мой учитель, и всегда думал, что Великий наставник скрывает от него секретные техники. Хм, он на словах твердил о том, что хочет возвысить школу, но его сердце было мельче, чем у деревенщины. Он сам пренебрегал тренировками, но винил в этом других. Когда мне исполнилось шестнадцать, Великий наставник умер, и я понял, что хорошие дни закончились. Как и ожидалось, едва Чу Цяньцю стал главой школы, первым делом он обвинил меня в том, что я подглядывал за секретами Великого наставника. Когда они пришли арестовать меня, я отчаянно сопротивлялся, ранил всех и сбежал в одиночку. После моего ухода они исключили меня из школы, а брата Дина избili и выгнали в дровяной сарай. Но с тех пор меня больше не преследовали, и я понял, что Чу Цяньцю боялся моего учителя и не хотел воспитать еще одного непокорного ученика, поэтому он был рад, что я ушел и больше не ступаю на остров Янься.

— А другие шрамы на твоём теле — это тоже от них?

Су Цзиньчжи на мгновение задумался, затем с горькой усмешкой вздохнул:

— Не все. Когда я вышел в мир, то понял, что по сравнению с ним, ссоры в школе — это мелочи.

Вэй Си хотел было спросить еще, но Су Цзиньчжи приложил палец к его губам.

— Тсс...

Их дыхание смешалось в тишине, и лицо Вэй Си мгновенно покраснело.

— Слушай, — тихо произнес Су Цзиньчжи.

Прислушавшись, они услышали в ночном ветре очень тихий и тонкий звон колокольчиков. Это были колокольчики, которые Су Цзиньчжи повесил в комнате Вэй Си. Ранее Вэй Си не понимал, зачем это сделано, но теперь, услышав звон, его спина покрылась мурашками.

Он беззвучно спросил:

— Кто это?

Звон был очень тихим, прозвучал один раз и больше не повторялся. Тени деревьев за окном отбрасывались на бумагу, шелест листьев смешивался с пением насекомых, но больше ничего не было слышно.

Вэй Си прислушался еще, но не услышал больше ни звука. Он подумал, что у этого человека огромное терпение, раз он смог ждать так долго, не боясь, что его поймают с поличным.

Су Цзиньчжи легонько похлопал Вэй Си по плечу:

— Он ушел.

— Кто это был? Искусство легкой ступи у него отменное.

— В этом месте, с такими навыками, как ты думаешь, кто это мог быть?

Вэй Си подумал и произнес имя:

— Ло Сяоань?

Су Цзиньчжи кивнул:

— Он убийца, его легкость в движениях превосходит его мастерство меча. Этот звон, вероятно, был вызван его неосторожностью, когда он уходил.

Вэй Си удивился:

— Если его навыки так хороши, как он мог быть так неосторожен?

В глазах Су Цзиньчжи мелькнула едва заметная тень торжества:

— Я посыпал порошком размягчения костей твою постель. Если бы он открыл её, то попал бы под его действие.

— Ха! — Вэй Си рассмеялся. — Это так похоже на тебя, брат.

Су Цзиньчжи серьезно сказал:

— Он не смог достичь своей цели и, вероятно, не смиритсЯ с этим. Но, судя по всему, сегодня ночью он больше не сможет совершить нападение. Соберись и отдохни здесь спокойно.

Вэй Си кивнул, подошел к кровати и начал раздеваться, но, сняв половину одежды, вдруг остановился и серьезно посмотрел на Су Цзиньчжи:

— Брат.

— Что?

— Сегодня я действительно ошибся. Теперь я понимаю, что хвастаться своей храбростью и драчливостью не стоит. Я должен беречь свою жизнь, жить долго и счастливо, как можно дольше.

Су Цзиньчжи, услышав такие слова, казалось, был удивлен, но, видя, что Вэй Си так рассуждает, улыбнулся с облегчением.

— Только так я смогу защищать тебя, — серьезно сказал Вэй Си. — Поэтому ты тоже не пиши письмо учителю, отдохни, я пойду спать.

Оказывается, он все еще не мог отпустить то письмо, и даже заплакал, видно, это оставило в нем глубокий след.

На самом деле Су Цзиньчжи написал письмо, чтобы просто напугать Вэй Си. Он взглянул на стол и заметил, что письмо исчезло, и на полу вокруг стола его тоже не было. Он спросил:

— Где письмо?

Вэй Си не стал скрывать и указал на свой рот:

— Съел.

— Ты...

Су Цзиньчжи не знал, смеяться или плакать, но понял, что с этим шутки больше не пройдут.

Они легли спать, и ночь прошла спокойно, они проспали до рассвета. На следующий день их разбудили звуки фейерверков.

Скоро должна была состояться свадьба Сяо Тинлю, и весь форт семьи Сяо встал рано. Выйдя из гостевой комнаты, они увидели, что весь двор был заполнен занятыми служанками и слугами. Вэй Си потянулся, осмотрелся и был полон любопытства.

Всего за одну ночь весь форт был украшен в красных тонах, словно обернут в петарды. Повсюду висели красные занавеси и вырезки с иероглифами «двойное счастье». Неприятности прошлой ночи исчезли, и весь форт семьи Сяо был наполнен праздничной атмосферой.

Вэй Си подошел к главному залу и, остановив одну из служанок, спросил:

— Сестры из Павильона Цифан уже приехали?

— Еще нет, — ответила служанка, с легкой насмешкой улыбнувшись. — Может, они слишком заняты ночью и встанут только к полудню.

Лицо Вэй Си изменилось, но Су Цзиньчжи остановил его, и они отпустили служанку.

У Яньхун не было родственников, и сестры из Павильона Цифан были для нее семьей. Но теперь даже слуги из форта семьи Сяо относились к ней с пренебрежением, что говорило о том, что ее жизнь здесь, возможно, не будет такой легкой, как она представляла.

Автор хочет сказать: Ломай, ломай, ломай! Давайте, Су Су и Си Си, вы можете!

<http://bllate.org/book/16836/1548445>